

Исторія франкскаго королевства.

Три фактора, создавшие современное западно-европейское общество: римское наследие, христианская церковь и германство, и их взаимоотношения — Характеристика переходного периода — Франкское племя и его историческая роль. — Правительственная деятельность Хлодвиг и причины ее исторической неуспешности — Майордомы.

Три основных фактора создали современное западно-европейское общество: римское наследие, христианская церковь и германство. Вступивши в первый раз во взаимодействие в эпоху переселения, эти факторы определили собой дальнейшее течение западно-европейской жизни и столь тесно сплелись между собой, что часто нет возможности разграничить их действие и указать, где кончается влияние одного и начинается область другого фактора. Возьмем для примера три явления, занимающие значительное место в политической и культурной истории запада, именно: королевскую власть, образование нового государства и католицизм, — и попытаемся раскрыть те коренные элементы, из которых они развились. Свое древнейшее начало современная королевская власть в западно-европейских государствах берет от привилегий, принадлежавших вождю германских дружин, разрушивших римскую империю; но у германцев король был только предводителем войска, герцогом, или исполнителем решений народного собрания; до эпохи переселения королевская власть даже далеко не у всех германских племен успела сделаться наследственной; у многих из них она носила избирательный характер и основывалась на свободном признании ее со стороны полноправного германца. Но лишь только

германскія племена перешли на римскую почву, какъ короли ихъ измѣняютъ своему прежнему положенію и подъ вліяніемъ римскихъ и христіанскихъ идей получаютъ совершенно новое значеніе; считая себя преемниками западно-римскаго императора и будучи дѣйствительно таковыми въ отношеніи къ покоренному населенію, варварскіе короли начали стремиться къ той неограниченной полнотѣ правъ, которая составляла принадлежность римскаго цезаря. Достигли же они этой полноты власти только при содѣйствіи христіанской церкви, которая учила о божественномъ происхожденіи королевскихъ правъ, окружала личность короля мистическимъ ореоломъ и освящала его полновластіе особыми церемоніями религіознаго характера. Тѣ неограниченные монархи, съ какими мы встрѣчаемся въ дальнѣйшей исторіи Европы, суть, такъ обр., прямые потомки древнихъ германскихъ кунинговъ,—но потомки, присвоившіе себѣ корону римскаго *Юпитера*, переданную имъ при помощи христіанскаго миропомазанія.—Точно также и исторія новаго государства въ Европѣ есть исторія взаимодѣйствія этихъ же трехъ элементовъ, лежащихъ въ основѣ западно-европейскаго развитія. Если, по современнымъ понятіямъ, государство совпадаетъ съ націей и какъ бы отождествляется съ ней, то этимъ своимъ характеромъ оно обязано особенностямъ германскихъ племенъ, рано обнаружившихъ способность къ соединенію въ большіе національные группы. Если, далѣе, современное государство ставитъ себя выше частныхъ отношеній и господствуетъ надъ произволомъ отдѣльной личности, кѣмъ бы она ни была, то эта его черта есть результатъ античнаго вліянія, слѣдствіе усвоенія новыми народами римскаго права и его идей о государствѣ. Не если при этомъ новое государство не поглощаетъ собой челоувѣческой личности, а напротивъ своею задачею ставитъ ея матеріальный и нравственный прогрессъ, то въ этомъ явно воздѣйствіе христіанскаго ученія, возвысившаго челоувѣческую личность на неизвѣстную ранѣе высоту и указавшаго въ ней высшую цѣль для самого государства.—Наконецъ, столь долго распорядившаяся судьбами Запада, католическая церковь—это спеціально исторіи христіанства принадлежащее явленіе,—могла возникнуть со всѣми своими особенностями не иначе, какъ въ связи съ двумя другими

началами новой истории Запада: римской традицией и германством. Какъ известно, образование папской монархii, съ одной стороны, объясняется тѣмъ значенiемъ, какое и послѣ своего паденiя продолжалъ сохранять Римъ въ глазахъ провинціаловъ, съ другой, — тѣмъ отношенiемъ, въ какое стали къ папамъ варварскiе короли.

На смотря однако на эту тѣсную, внутреннюю связь христіанства, германства и романства, наблюдаемую на протяжении всей ново-европейской истории, каждый изъ этихъ факторовъ, будучи взятъ въ отдѣльности, представляетъ собой нѣчто самостоятельное, отличное отъ другаго и даже прямо противоположное ему по своей природѣ. Различiе между германскимъ міромъ, возникшимъ въ предѣлахъ павшей западной римской имперii, и христіанствомъ само собою станетъ очевиднымъ, если принять во вниманiе, что большинство германскихъ племенъ ко времени поселенiя на новыхъ мѣстахъ оставалось еще язычниками, дорожившими своей племенной религіей и не охотно поддававшимися усиліямъ христіанскихъ миссіонеровъ. Только готы, бургунды и вандалы успѣли ознакомиться съ христіанствомъ, но и эти племена приняли новое ученiе не въ чистомъ его видѣ, а въ искаженной формѣ аріанства, которая была конечно болѣе доступна для ихъ неразвитаго ума, но которая въ тоже время служила большимъ, чѣмъ само язычество, препятствiемъ для воздѣйствiя на нихъ со стороны господствующей церкви. Правда, благодаря усердію миссіонеровъ, христіанство скоро стало проникать въ глубь германскихъ лѣсовъ и обращенiе обитавшихъ тамъ варваровъ пошло довольно быстрыми шагами, но не нужно забывать, что принять христіанство еще не значитъ сдѣлаться христіаниномъ и что между варварствомъ съ его примитивными религіозными понятiями и возвышеннымъ ученiемъ христіанства и послѣ обращенiя въ христіанство всегда должна была оставаться глубокая пропасть, которая могла сгладиться только вѣками. Древнему германцу, какъ и всякому политеисту, не трудно было принять новаго Бога, Христа, въ число прежнихъ своихъ боговъ, а просвѣтители часто старались сдѣлать иго новой религіи ужъ слишкомъ легкимъ для обращенныхъ и довольствовались исполненiемъ съ ихъ стороны нѣсколькихъ обрядовъ. Еще въ VIII-мъ

вѣкъ въ Германіи существовали священники, крестившіе во имя Христа и въ то же время приносившіе жертву Донару, богу грома, и быть можетъ, ничто лучше не характеризуетъ быстрыхъ успѣховъ католическихъ миссіонеровъ, какъ слѣдующее происшествіе, случившееся въ IX-мъ вѣкѣ. Въ праздникъ Пасхи ко двору Людовика Благочестиваго имѣли обыкновеніе являться язычники-германцы для крещенія, при чемъ имъ дарили прекрасныя бѣлыя одежды, имѣющія извѣстное символическое значеніе. Однажды, когда желающихъ креститься явилось очень много и приготовленныхъ одеждъ не хватило, то Людовикъ приказалъ иаскоро выкромить крещальныя одежды изъ простынь. Къ несчастію, такая одежда досталась германскому вождю, и, увидавъ ее, онъ съ гнѣвомъ воскликнулъ: „я ужъ тутъ десять разъ крестился, и всякій разъ получалъ прекраснѣйшее бѣлое платье, а не этотъ мѣшокъ... и какъ бы мнѣ не было стыдно идти голымъ, я бы пустилъ тебѣ въ голову эту тряпку вмѣстѣ съ твоимъ Христомъ!“.—Не меньшая противоположность существовала вначалѣ и между варварствомъ и Римомъ. Римская имперія была единой всеобъемлющей монархіей, однимъ тѣсно сплоченнымъ политическимъ организмомъ; оставшіяся отъ нея въ наслѣдство варварамъ традиціи влекли ихъ къ восстановленію этого единства, къ подчиненію всѣхъ одной власти, между тѣмъ какъ въ природѣ германцевъ лежала склонность къ особности, къ раздробленію общественныхъ и политическихъ отношеній. Одна сторона, римская, привносила собой въ жизнь идеи о всемогуществѣ государства, о неограниченности и нераздѣльности верховной власти, разумное и всеобщее право, утонченное общежитіе и внѣшній лоскъ многовѣковой цивилизаціи; другой, напротивъ, свойственны были политическая дробность, мѣстное самоуправленіе, широкая личная независимость, преобладаніе сельской жизни надъ городскою, насилія и дикость завоевателей. Привыкшіе къ свободѣ и не стѣсненной условностью юридическихъ формъ жизни, германскія племена еще не умѣли подчинять личный произволъ общему закону и инстинктивно противились воспроизведенію началъ цивилизованной жизни, завѣщанной имъ Римомъ. Оттого-то и первая встрѣча этихъ противоположныхъ міровъ была крайне враждебною и сопровождалась борьбою, длив-

шейся въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ.— Эта борьба не прекратилась и послѣ того, какъ внѣшнія столкновенія Рима и варваровъ завершилось паденіемъ римской имперіи и поселеніемъ на ея развалинахъ новыхъ племенъ. Столь несродныя между собой начала, какъ варварство, христіанство и наслѣдіе Рима, очевидно, не могли сразу, вслѣдствіе одной встрѣчи, войти во внутреннюю связь между собою, мирно ужиться другъ съ другомъ; надо было много времени и много усилій, чтобы эти противоположные элементы успѣли слиться между собой путемъ взаимныхъ уступокъ и комбинацій, и составить основу для правильнаго общежитія, обезпечивающую его дальнѣйшее развитіе. Поэтому, и послѣ эпохи переселенія, борьба между началами, создавшими западное общество, ничуть не успокаивается; только съ поверхности исторической жизни она переходитъ въ глубь общественныхъ отношеній и составляетъ содержаніе цѣлаго *періода, простирающагося отъ VI-го вѣка до XI-го и получившаго въ исторіи имя варварской эпохи.* Характеристической чертой этого періода является хаотичность, неопредѣленность политическаго строя и всѣхъ общественныхъ отношеній: христіанство еще только начинаетъ привлекать къ себѣ новыя племена, ведетъ борьбу съ язычествомъ; старое римское населеніе живетъ рядомъ съ варварскими пришельцами, сохраняетъ свои особенности и противится слянію съ побѣдителями; древнія римскія учрежденія перемѣшиваются съ первобытными формами варварства, и понизившаяся въ эпоху переселенія образованность едва успѣваетъ спасти себя отъ натиска невѣжества; сами правители новыхъ племенъ колеблются между двумя предстоящими имъ путями, то пытаясь возсоздать формы римской жизни, то снова возвращаясь къ варварскимъ нравамъ и понятіямъ: всюду слышится непрекращаемое движеніе, глухая, но упорная борьба. Этой неустойчивости, этой хаотичности общественнаго быта много способствуетъ еще недостаточно упрочившаяся осѣдлость племенъ; къ VI-му вѣку бурное движеніе племенъ утихло, но не исчезло совсѣмъ; оно продолжается еще вплоть до XI вѣка, заканчивающаго собой эту эпоху,—и совершается то изъ глубины Германіи, то изъ Скандинавіи. Во второй половинѣ VI го вѣка въ Италію приходитъ новое племя Лангобардовъ и подчиняетъ ее себѣ; цѣлыя

толпы варваровъ время отъ время переходятъ Рейнъ и врываются въ Галлію. Британія подвергается непрерывнымъ нашествіямъ ютовъ, англовъ, саксовъ и датчанъ; въ X вѣкѣ цѣлое племя нормановъ захватываетъ сѣверный уголь Галліи и въ XI-мъ вѣкѣ переплываетъ въ Англію и прочно водворяется здѣсь; наконецъ, въ томъ же вѣкѣ весь западъ поднимается вмѣстѣ, чтобы идти въ походъ на невѣрныхъ, въ далекую Палестину, для освобожденія гроба Господня. Это постоянное движеніе племенъ, непрерывно обновляющійся наплывъ германцевъ останавливали правильное развитіе и всякій разъ уничтожали начинавшія съ теченіемъ времени возникать болѣе или менѣе прочныя формы жизни, приводя все въ прежнее состояніе хаоса, колебанія и шаткости. Но среди этого броженія, среди постоянно вновь начинаемаго развитія, рано обозначаются нѣкоторыя главныя направленія въ образованіи государственныхъ и общественныхъ формъ, вырабатываются нѣкоторыя общія начала, приведшія къ повсемѣстнымъ одинаковымъ результатамъ. Въ началѣ варварской эпохи мы напрасно стали бы искать какихъ либо прочныхъ государственныхъ или національныхъ образованій; въ то время въ Европѣ не было ни римской имперіи, ни новыхъ существующихъ теперь народовъ; были только различныя германскія племена, занявшія земли римской имперіи и составившія изъ себя и покореннаго населенія рядъ варварскихъ государствъ, не имѣвшихъ ни прочныхъ основъ, ни стройныхъ формъ быта. Къ концу же этой эпохи, т. е. къ IX-му в. послѣ продолжительной борьбы, разнородные элементы, нагроможденные на европейской почвѣ, вступаютъ въ постоянныя комбинаціи, часто независимо отъ воли организаторовъ или даже прямо вопреки ихъ стремленіямъ, мало-по-малу создаются болѣе или менѣе твердыя формы жизни и въ разнообразіи противоположныхъ явленій становится замѣтнымъ единство началъ и гармоніи. Пятивѣковая борьба не проходитъ даромъ: плодомъ ея являются, съ одной стороны, новыя національности западной Европы, выдѣлившіяся изъ монархіи Карла Великаго, съ другой та своеобразная система, составившая основу дальнѣйшаго развитія запада т. е. феодализмъ, изъ которой и образовался современный политическій, юридическій и экономическій строй западныхъ народовъ, и католи-

цизмъ, наложившій особую печать на ихъ умственную и нравственную жизнь. Поэтому указанный періодъ времени мы можемъ назвать еще періодомъ сложенія главнѣйшихъ западно-европейскихъ народностей и смѣшенія тѣхъ элементовъ, которые опредѣлили собой ихъ жизнь; послѣ IX-го вѣка въ западной Европѣ мы уже не видимъ рѣзкаго антагонизма между римскими, германскими и христіанскими началами; они уже сжились между собою, приспособились одинъ къ другому, и результатомъ-то этого приспособленія и явились новые народы Европы съ католико-феодалнымъ строемъ жизни.

Ареною, на которой развилось взаимодѣйствіе этихъ началъ и выработались основы для дальнѣйшей исторіи Европы, послужило государство франковъ. Изъ варварскихъ племенъ, поселившихся на развалинахъ римской имперіи, самостоятельныя государства, кромѣ франковъ, были основаны еще вестготами, бургундами и остготами; именно: вестготы заняли всю древнюю Иберію или нынѣшнюю Испанію и югозападную часть Галліи до Луары и къ концу VI-го вѣка достигли такого значенія, что ко двору ихъ короля сходились послы со всѣхъ сторонъ—просить дружбы своимъ народамъ или смягчить его гнѣвъ. Бургундамъ досталась юго-восточная часть Галліи отъ Вогезскихъ горъ по бассейну Роны и Сены до Средиземнаго моря и Альпъ; бургунды заняли эти области, какъ союзники римлянъ и усвоили себѣ остатки римской государственной жизни. Остготы въ самомъ концѣ V-го вѣка вторглись, съ разрѣшенія, однако, Византійскаго императора, въ Италію подъ предводительствомъ Теодориха,—одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ людей этой эпохи,—именемъ котораго обозначается блестящій періодъ политической жизни Италіи подъ владычествомъ варваровъ; „не было народа на западѣ,—говоритъ Йорнардъ,—который бы не слушался Теодориха или по прямой зависимости или по союзу“. Но какъ бы ни значительны были успѣхи этихъ варварскихъ государствъ въ тотъ или другой моментъ ихъ исторіи и какого бы блеска они ни достигали подъ руководствомъ даровитыхъ королей, на самомъ дѣлѣ, они не имѣли прочныхъ залоговъ къ продолжительному политическому существованію, скоро сошли со сцены исторіи и навсегда потеряли свою политическую самостоятельность. Остготское государство въ Италіи

просуществовало немного болѣе полвѣка; они заняли Аппенинскій полуостровъ въ 493 г., а въ 555 послѣдній отрядъ готовъ только въ 7 тысячъ человекъ сдался византийскому полководцу Нарзесу. Подобно имъ, и бургунды, овладѣвшіе юговосточной Галліей въ первой половинѣ V-го вѣка, сохраняли свою политическую независимость только до 523 года; бургунды не исчезли совершенно изъ исторіи, какъ готы, но войдя въ составъ франкскаго королевства они никогда не могли возвратитъ себѣ прежней самостоятельности и ихъ области навсегда остались только провинціей, частью сначала франкскаго государства, а потомъ французской монархіи. Нѣсколько большій успѣхъ выпалъ на долю вестготовъ: въ началѣ V-го вѣка они поселились въ югозападной Галліи и Испаніи и въ продолженіи столѣтія представляли собою довольно могущественный народъ, но въ 508-мъ году они потеряли всѣ свои владѣнія въ Галліи, а въ VIII вѣкѣ и ихъ испанскія области подпали власти арабовъ. Главная причина недолговѣчности этихъ государствъ заключалась въ томъ, что они состояли изъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ, которые жили въ нихъ особнякомъ, не сливаясь другъ съ другомъ, не вступая во взаимодѣйствіе. Тѣ три элемента, которые легли въ основу западно-европейской исторіи т. е. германское варварство, романство и христіанство, опредѣляли собой и составъ этихъ варварскихъ государствъ, но для того, чтобы изъ противоположныхъ элементовъ могло развиваться что-либо прочное, необходимо было, чтобы они вступили между собой въ законную связь, сгладили свою противоположность и образовали изъ себя нѣчто цѣлое. Этого-то и недоставало первымъ германскимъ государствамъ, возникшимъ на почвѣ римской имперіи. Соединеніе германцевъ и римлянъ въ нихъ было только внѣшнее, поверхностное. Создавшіе ихъ варварскія племена никогда не могли дать въ нихъ преобладаніе даже своимъ племеннымъ элементамъ. Вслѣдствіе своей малочисленности и отдаленности отъ общей германской родины, затруднявшей новыя притоки оттуда германскаго населенія, завоеватели Италіи, Испаніи и южной Галліи составили въ своихъ государствахъ очень незначительную этнографическую группу, рѣзко отличавшуюся отъ покореннаго населенія и ничѣмъ не связанную съ нимъ. Побѣдители и побѣжденные, въ сущ-

ности, представляли собой въ этихъ государствахъ два самостоятельныя населенія, двѣ народности, разнившіяся между собой не только по языку, нравамъ и обычаямъ, но еще правомъ и гражданскими учрежденіями. Сознаніе этой розни и возникшее отсюда недовѣріе и ненависть между обѣими народностями были такъ значительны, что браки между германцами и римлянами или совсѣмъ запрещались закономъ или являлись очень рѣдкимъ событіемъ. Эти — непріязненные отношенія между составными частями варварскихъ государствъ усиливались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что завоеватели отличались отъ побѣжденныхъ и вѣроисповѣданіемъ. Остготы, Бургунды и Вестготы какъ мы знаемъ были аріанами въ то время, какъ покоренное населеніе принадлежало православной западной церкви и съ фанатизмомъ, свойственнымъ тогдашнему времени, смотрѣло на германцевъ, какъ на еретиковъ, осужденныхъ церковью. Поэтому всѣ заботы лучшихъ правителей этихъ народовъ о сліяніи германцевъ и римлянъ, всѣ старанія установить между ними правильное общежитіе приводили только къ горькому разочарованію и безцѣльно удлинняли внутреннюю агонію государствъ. Символь вѣры раздѣлялъ все, что соединялъ мечъ и законъ. Предоставленныя самимъ себѣ, завоеватели скоро подъ вліяніемъ римской изнѣженности утратили свою энергію, а римское населеніе, продолжавшее сохранять чувство національной и религіозной связи, единодушно пользовалось всякимъ поводомъ, чтобы ослабить или свергнуть ненавистную имъ еретическую власть. Такъ было въ Италіи у Остготовъ, гдѣ старое населеніе предпочло имѣть своей главой византійскаго императора и помогло войскамъ его истребить готовъ. Такъ было и у вестготовъ и бургундовъ въ Галліи, которые вынуждены были уступить свою независимость франкамъ, сблизившимся съ римскимъ населеніемъ. Въ Испаніи же вестготы только потому и могли сохранить еще на два столѣтія свою власть, что въ концѣ VI-го вѣка они оставили аріанство и сдѣлали православіе господствующимъ исповѣданіемъ, что и повело за собой сліяше ихъ съ туземцами въ одинъ народъ романскаго характера.

Иначе сложилась исторія франкскаго племени и основаннаго имъ въ Галліи государства. Франки заняли прекрасную по климату и плодородію страну, въ средоточіи западной

Европы, прилегающую къ двумъ важнѣйшимъ въ культурномъ отношеніи морямъ, орошаемую судоходными рѣками, текущими отъ центра къ периферіямъ. Ни одна страна европейскаго материка не представляетъ такихъ удобствъ для сношеній всякаго рода, какъ эта, она находилась въ одинаковой близости какъ отъ зарейнскихъ лѣсовъ, откуда выходили новыя племена, разрушавшія римскую имперію, такъ и отъ главныхъ центровъ римской культуры и римскаго вліянія. Вслѣдствіе этого германскій и римскій элементы здѣсь какъ бы уравнивались въ своемъ значеніи и, потому, скорѣе и прочнѣе должны были оказать воздѣйствіе одинъ на другаго. Франкское племя не могло здѣсь затеряться среди побѣжденнаго населенія, потому что ихъ численность и племенная энергія постоянно обновлялись непрерывнымъ притокомъ новыхъ варварскихъ полчищъ изъ за Рейна. Но и римское начало здѣсь слишкомъ прочно укоренилось для того, чтобы оно могло быть сглаженнымъ или уничтоженнымъ со стороны варваровъ. Другое преимущество франкскаго государства состояло въ томъ, что съ самаго же начала франки приняли христіанство по католическому закону и привлекли къ себѣ сочувствіе туземнаго населенія и въ особенности духовенства, ставшаго посредствующимъ звѣномъ между побѣдителями и побѣжденными, что и повлекло за собой быстрое сближеніе тѣхъ и другихъ. Благодаря этимъ счастливымъ обстоятельствамъ, франки въ исторіи зарождающейся новой Европы получили такое значеніе, какого не имѣло ни одно другое германское племя. Правда и у франковъ въ ту эпоху, которую мы назвали варварской, замѣчается колебаніе и шаткость государственной жизни, неустойчивость учреждений, отсутствіе правильной общественной организаціи, какъ и въ прочихъ варварскихъ государствахъ; но здѣсь эта беспорядочность представляеть только внѣшнюю сторону, за которой виднѣется постепенный ростъ исторической жизни, непрерывный прогрессъ въ развитіи новыхъ началъ ея. Франки стали какъ бы прямыми преемниками римлянъ: они объединили въ своемъ государствѣ раздробившееся въ эпоху переселенія германство, распространили свою власть на всю западную Европу и создали болѣе или менѣе стройныя учрежденія, отвѣчавшія потребностямъ времени. Поэтому, исторія западной Европы

за періодъ отъ VI-го до IX-го вѣка сливается съ исторіей франкского государства; въ этомъ именно государствѣ получили свое начало какъ современные западно-европейскія національности, такъ и ихъ политическія учрежденія, социальный строй и культура. Можно сказать, что новая Европа развилась изъ германскихъ, римскихъ и христіанскихъ началъ при *посредствѣ франкского государства*.

Долгое время въ исторической наукѣ смотрѣли на франковъ, какъ на непосредственныхъ родоначальниковъ современныхъ французовъ, и на французское государство, какъ на начало политической исторіи Франціи. Французскіе историки временъ Людовика XIV прямо производили генеалогіи своихъ королей отъ франкскихъ правителей;—какого-нибудь Хильперика или Дагоберта изображали героями—государями, заботившимися ни о чемъ другомъ, какъ именно о французскомъ народѣ, окружали ихъ блестящимъ дворомъ и утонченно-образованными сподвижниками во вкусъ позднѣйшей французской аристократіи. Въ слѣпомъ патріотическомъ увлеченіи нѣкоторые изъ нихъ доходили до поразительныхъ нелѣпостей, утверждая, что Юпитеръ, Нептунъ и др. лица, извѣстныя подъ именемъ боговъ, были просто правителями Галліи т. е. Франціи и что начало французскому государству положилъ никто иной, какъ самъ прародецъ Ной. Исслѣдованія нашего столѣтія опровергли эти мнѣнія о франкахъ—французахъ, какъ пустыя и ни на чемъ не основанныя бредни; они показали, что франки были такимъ же германскимъ племенемъ, какъ вандалы, стяжавшіе себѣ плохую славу исторіи или саксы, аллеманы, тюринги и др., образовавшіе основу Германіи, и что ихъ государство было варварскимъ государствомъ, не имѣвшимъ не только національнаго, но даже и племеннаго единства. Безъ сомнѣнія въ современныхъ французахъ есть не мало франкской крови, но еще больше въ нихъ есть такого, что недоставало франкамъ; французъ, какъ національный типъ, появляется гораздо позднѣе франковъ и французскаго государства и своимъ родоначальникомъ долженъ считать не столько представителей этого племени, сколько старое населеніе Галліи, покоренное франками; на непосредственныя связи съ франками гораздо большія притязанія можетъ имѣть современная Германія, чѣмъ Франція, такъ какъ

исторія франковъ прежде всего есть исторія германскаго племени.

Подобно всѣмъ другимъ германскимъ племенамъ франки не составляли изъ себя одной сплошной массы, одного государства. Съ незапамятныхъ въ исторіи временъ они распались на двѣ отрасли: салическую и рипуарскую, изъ которыхъ каждая въ свою очередь раздѣлялась еще на нѣсколько колѣнъ или трибъ, находившихся подъ управленіемъ своихъ особыхъ вождей или королей. Древнѣйшее свое мѣстожителство франки имѣли по берегамъ нижнаго Рейна, откуда они во второй половинѣ V-го вѣка перешли въ римскія земли, лежавшія на правомъ берегу Рейна, и утвердились въ сѣверо-восточномъ углу Галліи. По преданіямъ франковъ первыми вождями ихъ были Фарамундъ, что значить родоначальникъ, и Меровахъ или, по римскому произношенію, Меровея, считавшійся основателемъ королевскаго рода меровинговъ, господствовавшаго въ одной трибѣ салическихъ франковъ. Даже о преемникѣ Меровея, Хильперикѣ, умершемъ въ 481-мъ году сохранились только полумифическія сказанія, хотя Хильперикъ—лицо несомнѣнно историческое, что доказывается, между прочимъ, его гробницей и останками, найденными въ Турнѣ въ XVII в. Только съ преемника его Хлодоея или Хлодвига (т. е. Людвига) начинаются положительныя историческія извѣстія и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается лучшая страница меровингской династіи, съ которой исторія франковъ получаетъ важное значеніе не только для Галліи, но и для всей западной Европы.

Важная историческая роль, которую съумѣлъ выполнить Хлодвигъ въ теченіи своего 30-ти лѣтняго царствованія, состояло въ томъ, что онъ а) положилъ начало объединенію германскихъ племенъ въ одно политическое цѣлое; б) принявъ христіанство отъ католической церкви и этимъ содѣйствовавъ его распространенію и торжеству среди германцевъ и в) подъ вліяніемъ римскихъ идей о государственной власти успѣлъ сдѣлать свою королевскую власть единоличною въ франкскомъ государствѣ и наслѣдственною въ своемъ только родѣ.

а., Будучи 15-ти лѣтнимъ юношей Хлодвигъ наслѣдовалъ своему отцу въ то время, когда римская имперія уже пала

и въ Галліи отъ нея оставались лишь слабые обломки, изъ-за обладанія коими спорили между собою аллеманы, бургунды, вестготы и толпы другихъ племенъ наводнявшихъ эту страну. По своему растроеному положенію Галлія представляла собой весьма легкую добычу для всякаго отважнаго и предприимчиваго варвара, и Хлодвигъ тѣмъ менѣе могъ опустить изъ вниманія это обстоятельство, что его собственныя владѣнія полученныя отъ отца, были очень ничтожны: они обнимали собой нынѣшнее королевство Белгію, за исключеніемъ провинціи Льежа. Страсть къ наживѣ, естественная въ варварскомъ племени, и привычка къ боевой жизни обезпечили Хлодвигу согласіе войска на новые походы, а положеніе, которое занималъ его отецъ въ отношеніи къ римской имперіи, дало ему достаточный поводъ придать своимъ вторженіямъ нѣкоторый видъ законности. Сохранилось извѣстіе, что его отецъ Хильперикъ носилъ титулъ начальника императорскихъ войскъ въ сѣверной Галліи, былъ какъ бы представителемъ власти Рима. Хлодвигъ, едва-ли соединявшій съ этимъ званіемъ какія-либо ясныя представленія, считалъ, однако, себя преемникомъ отца и въ этомъ титулѣ и, опираясь на него, потребовалъ отъ галльскаго населенія покорности себѣ. Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ своей самостоятельной дѣятельности Хлодвигъ связалъ себя съ римскими традиціями, выступилъ подъ римскимъ знаменемъ и во имя Рима, и подъ его защитой это знамя оказалось такимъ же побѣдоноснымъ, какъ и въ былыя, славныя времена республики. Замѣчательный успѣхъ сопровождалъ военныя предпріятія Хлодвига и за него Хлодвигъ больше долженъ былъ благодарить судьбу то-есть счастливыя обстоятельства, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, чѣмъ свое войско и свою храбрость. Первые пять лѣтъ своего правленія онъ употребилъ на то, чтобы подчинить себѣ ту часть Галліи, которая еще номинально оставалась во власти не существовавшей уже на Западѣ римской имперіи и центромъ которой былъ Суассонъ. Заключивши союзъ съ другими франкскими трибами, онъ при помощи ихъ овладѣлъ этимъ остаткомъ римскихъ побѣдъ и разомъ расширилъ свое королевство до Сены. Сдѣлавъ Суассонъ своею резиденціей, онъ отсюда предпринялъ рядъ походовъ на востокъ и на западъ. Въ 498-мъ году онъ на-

паль на аллемановъ, обитавшихъ по обѣимъ сторонамъ средняго и верхняго Рейна, слѣд. бывшихъ ближайшими сосѣдями франковъ съ восточной стороны. Аллеманы вынуждены были признать верховную власть Хлодвига, платить дань, повиноваться герцогу, родомъ франку, назначаемому Хлодвигомъ, и уступить франкамъ пять округовъ своей земли. Впослѣдствіи, когда франки стали селиться въ этихъ аллеманскихъ областяхъ, значительная часть прежнихъ жителей удалилась отсюда и самое имя аллемановъ исчезло изъ этой страны; она стала называться франкской землей—Франконіей и центромъ своимъ имѣла Франкфунтъ на Майнѣ. Далеко распространивши побѣдою надъ аллеманами свои владѣнія на востокъ, Хлодвигъ съ такимъ же успѣхомъ велъ военные дѣла и на юго-западъ Галліи. Онъ соединилъ подъ своимъ управленіемъ племена, жившія между Сеной и Лаурой, еще разъ перенесъ резиденцію изъ Суассона въ Лютецію, получившую потомъ имя Парижа отъ обитавшаго тамъ племени паризіевъ, и началъ продолжительную войну съ вестготами и бургундами. Въ битвѣ при Пуатьѣ въ 507-мъ году онъ разбилъ вестготовъ и приобрѣлъ себѣ всю обширную и богатую страну между Лаурой и Гаронной. Менѣе удачны были войны Хлодвига съ бургундами, но и здѣсь дѣло, начатое имъ, было съ успѣхомъ покончено его преемниками, такъ что въ 523-мъ году отъ бургундскаго королевства сохранился только одинъ южный кусокъ принадлежавшій, при томъ, остготамъ. Когда въ 511-мъ году Хлодвигъ умиралъ, его государство простиралось далеко на востокъ, захватывало собой чисто германскія области на Рейнѣ и центромъ своимъ имѣло Галлію, около двухъ третей которой принадлежало Хлодвигу. Такимъ образомъ, благодаря успѣхамъ походовъ этого франкскаго вождя, въ самомъ средоточіи западной Европы возникло королевство, въ которомъ соединились франки, тунгры, аллеманы, бургунды, вестготы и старое римское населеніе Галліи въ одинъ политическій организмъ; на окраинахъ этого королевства еще лежали земли или чисто-германскія или съ смѣшаннымъ населеніемъ, но ихъ ожидала та же судьба, какая постигла бургундовъ и аллемановъ; отдѣленные другъ отъ друга, они не могли противиться возрастающей силѣ франковъ и постепенно вошли въ составъ ихъ государства, охватившаго скоро всю христі-

анскую Европу. Разбитое бурными движеніями эпохи переселенія политическое единство Запада, снова начало, по видимому, оживать и предноситься западнымъ народамъ, но только уже въ новой формѣ, въ формѣ франкскаго королевства.

б., Но если бы дѣятельность Хлодвига ограничивались однимъ завоеваніемъ и приобрѣтеніемъ новыхъ земель, то едва-ли бы онъ могъ создать что-либо прочное и долговременное; не скрѣпленное никакими иными узами, кромѣ единства власти, его государство, вѣроятно, также бы скоро раслось, какъ и тѣ варварскія государства, которыя онъ раздавилъ своимъ оружіемъ. Поэтому гораздо важнѣе походовъ и побѣдъ Хлодвига другая сторона его дѣятельности, которой онъ обязанъ не только своимъ значеніемъ въ исторіи разсматриваемаго періода, но и своими важнѣйшими побѣдами. Изъ всѣхъ германскихъ племенъ франки долѣе другихъ оставались дикими, чуждыми той страстной восприимчивости, съ какою прочія отрасли германцевъ шли на встрѣчу греко-римской цивилизаціи. Съ именемъ франковъ связывалось въ то время представленіе о свирѣпой жестокости и безчеловѣчии въ отношеніи къ побѣжденнымъ; одинъ хроникеръ той эпохи (монахъ Рикеръ) замѣчаетъ, что и въ Галлію франки пошли именно съ цѣлю истребить всѣхъ римлянъ и что въ первыхъ побѣжденныхъ городахъ они поступали сообразно этой цѣли т. е. вырѣзали побѣжденное населеніе. Смягчить этотъ дикій народъ, примирить его съ римскимъ населеніемъ и связать его съ античной культурой могло только христіанство,—и Хлодвигу принадлежитъ заслуга своимъ переходомъ въ христіанство проложить ему путь среди франковъ и соединить подчиненныя ему племена не единствомъ только власти, но и единствомъ религіи.—Разсказъ объ обращеніи Хлодвига въ христіанство дошелъ до нашего времени, украшенный поэтическими и легендарными подробностями, указывающими на значеніе этого дѣла Хлодвига для дальнѣйшей исторіи франковъ. Изъ церковной исторіи достаточно извѣстенъ тотъ фактъ, что принятію христіанства со стороны вождей или царей языческихъ народовъ болѣе всего содѣйствовали ихъ жены: это же обстоятельство повторилось и въ исторіи обращенія Хлодвига въ христіанство. Вскорѣ послѣ своей побѣды надъ

сѣверными городами Галліи, Хлодвигъ вступилъ въ бракъ съ бургундской принцессой Клотильдой, католичкой. По позднѣйшимъ извѣстіямъ Клотильда въ первую же брачную ночь взяла съ Хлодвига обѣщаніе—принять ея религію: дѣйствительно-ли франкскимъ королемъ было дано такое обѣщаніе, или это извѣстіе есть догадка хроникера, пытавшагося ею объяснить явленіе, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Клотильда, отличавшаяся привязанностью къ церкви, употребляла всѣ старанія къ тому, чтобы склонить могущественнаго меровнига къ своему исповѣданію. Къ этой же цѣли стремилось и православное галло-римское населеніе, служившее, какъ подозрѣваютъ, посредникомъ въ дѣлѣ заключенія брака съ Клотильдой, которому, конечно, выгодно было имѣть своего новаго короля въ рядахъ единовѣрцевъ. Долгое время, однако, Хлодвигъ упорно отказывался отъ христіанства: „очевидно, говорилъ онъ побѣжденному населенію, вашъ Богъ ничего не можетъ сдѣлать; онъ даже и не Богъ потому что происходитъ не изъ божескаго рода“—разумѣя, подъ этимъ родомъ, конечно, родъ Азовъ или Одина, главнаго германскаго божества. Хлодвигъ останавливаетъ также и та мысль, что съ принятіемъ христіанства онъ можетъ отдалить отъ себя франковъ, доставившихъ ему побѣды. Но онъ не противился крещенію своего сына, и когда ребенокъ умеръ еще въ пеленкахъ, Хлодвигъ хотя и обвинялъ въ этомъ крещеніе, однако же допустилъ крестить втораго сына, который на этотъ разъ остался въ живыхъ. Въ 496-мъ году колебанія Хлодвига кончились. Въ этомъ году свевы и аллеманы двинулись въ Галлію искать поселеній на земляхъ бывшей имперіи и напали на франковъ: Хлодвигъ долженъ былъ защищаться и вступилъ въ битву. Григорій турскій († 595), современникъ внуковъ Хлодвига, оставившій наилучшія и обстоятельнѣйшія свѣдѣнія объ эпохѣ первыхъ меровинговъ, такъ рассказываетъ объ этой битвѣ:

„Во время битвы съ аллеманами,—говоритъ онъ,—король долженъ былъ исповѣдать то, что онъ до сихъ поръ упорно отвергалъ. Обѣ арміи, вступившіе въ битву, сражались съ ожесточеніемъ и франки близки были къ гибели. Видя такую опасность Клодовой (т. е. Хлодвигъ) поднялъ къ небу глаза и воскликнулъ: Ты, котораго Клотильда называетъ

Сыномъ Бога и который, говорятъ, помогаетъ въ опасности... Я взывалъ къ моимъ богамъ, но вижу, что они не могутъ мнѣ помочь, и я убѣжденъ, что они не имѣютъ власти. Теперь я взываю къ тебѣ и въ тебя хочу вѣрить.—Едва онъ сказалъ это,—добавляетъ Григорій,—какъ аллеманы обратились въ тылъ и побѣжали“.

Затѣмъ Григорій рассказываетъ о внезапномъ отреченіи „всѣхъ франковъ“ отъ язычества, но здѣсь ужъ онъ прямо противорѣчитъ себѣ, указывая, что крестившихся было 3000 только. Очевидно, въ опасной битвѣ съ аллеманами Хлодвигъ наглядно, при самомъ дѣлѣ, увидѣлъ, что сохранить свое могущество и упрочить его онъ можетъ только тѣмъ, если переходомъ въ христіанство свяжетъ съ собой покоренное галло-римское населеніе, и эта явная политическая выгода рѣшила его колебанія. Въ томъ же 496-мъ году, въ Реймсѣ, въ праздникъ Рождества, „новый Константинъ“, какъ называли христіане Хлодвига, погрузился въ крещальныя воды. „Склони голову, кроткій Сигамбръ,—сказалъ Ремигій, еп. Реймскій, крестя Хлодвига,—боготвори то, что ты жегь, и сожги то, что ты боготворилъ“. Новый Константинъ не исполнилъ завѣта Ремигія: онъ не думалъ „жечь то, что боготворилъ“, остался такимъ же варваромъ, какимъ былъ и ранѣе, и продолжалъ прежній языческій образъ жизни.

Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное его переходомъ къ новой религіи, было громадно. Если оно на время ослабило его популярность среди язычниковъ - франковъ, часть которыхъ даже удалилась отъ него, то на всѣхъ концахъ христіанскаго міра отозвалось поворотомъ симпатій и благожеланій къ франкамъ-христіанамъ. Изъ всѣхъ государствъ, подѣлившихъ между собой области бывшей западной имперіи, только византійскій императоръ былъ православнымъ; германскія же племена оставались или язычниками или аріанами, и послѣдніе были еще страшнѣе для православнаго римскаго населенія, чѣмъ первые. Такъ въ вандалской Африкѣ въ то время шло гоненіе на православныхъ: 4976 православныхъ священниковъ были сослано въ кочевья Мавровъ и погибло тамъ; изъ 466-ти православныхъ епископовъ 348 были изгнаны, 90—убиты и только 28 успѣли спастись. Не лучшей участи ждало себѣ православное населеніе Испаніи и юга Галліи отъ постепенно развивавшагося

фанатизма арианствующихъ германцевъ. Ужась царилъ во всемъ западномъ католическомъ мѣрѣ, и вотъ въ это-то тяжелое для православія время могущественный вождь франковъ становится въ ряды его исповѣдниковъ! Прямымъ слѣдствіемъ крещенія Хлодвига и было быстрое распространеніе его владѣній въ Галліи; на немъ теперь покоились надежды православнаго населенія всѣхъ западныхъ областей, и ему легко было, опираясь на нихъ, сломить силу вестготовъ и бургундовъ. Вотъ что писалъ къ Хлодвигу, Авитъ, еп. Вьены, первое лицо въ православномъ населеніи бургундскаго королевства. „Ваша вѣра—наша побѣда, провидѣніе избрало Васъ рѣшителемъ нашего времени. Греція можетъ еще хвалиться, что она имѣетъ православнаго властелина, но она не одна владѣетъ теперь этимъ драгоценнымъ даромъ и остальному міру данъ теперь свѣтъ“. Итакъ, по словамъ Авита, въ лицѣ Хлодвига-христіанина и остальному т. е. западно-европейскому міру данъ „свѣтъ!“ Это значитъ, что принявши христіанство по католическому исповѣданію, Хлодвигъ сталъ какъ бы внѣшнимъ главой, покровителемъ западнаго православнаго христіанства, представителемъ религіознаго единства запада. Не даромъ его называли „новымъ Константиномъ!“ Западная церковь перенесла на него тѣ идеи, которыя христіанскій мѣръ привыкъ соединять съ именами лучшихъ христіанскихъ императоровъ, какъ Константинъ или Θεодосій Великій, и вступила съ нимъ въ тѣсный союзъ. „Наша мать-церковь,—писалъ папа Анастасій, получивши извѣстіе о крещеніи Хлодвига,—радуется рожденію въ Богѣ такого короля. Продолжай, славный и знаменитый сынъ, радовать твою мать; будь желѣзной колонной для ея поддержанія, и она дастъ тебѣ въ свою очередь побѣду надъ врагами“.—Въ словахъ папы ясна мысль, опредѣлившая надолго исторію Запада: отнынѣ папа и король въ союзѣ должны воспитывать народы запада и руководить ихъ судьбами.

с., Слѣдствія новаго положенія Хлодвига, созданнаго переходомъ его въ христіанство, не замедлили обнаружиться во внутреннихъ перемѣнахъ строя франкскаго государства. Подчинивъ себѣ большую часть Галліи и ставъ въ отношеніе къ коренному населенію ея въ положеніе наслѣдника западнаго императора, Хлодвигъ необходимо долженъ былъ измѣнить свои прежнія воззрѣнія на характеръ королевской власти.

Подъ своимъ управленіемъ онъ увидѣлъ теперь бывшихъ римлянъ, удержавшихъ свое прежнее устройство, муниципальный бытъ и римское право и платившихъ такую же дань подчиненности ему, какая ранѣе приходилась на долю римскаго императора. Византійскій императоръ въ 510-мъ году пожаловалъ ему титулъ консула и патриція, и это еще болѣе утвердило его въ томъ мнѣніи, что ему должна принадлежать вся полнота власти древняго Рима. Никто столь усердно не помогаль этимъ абсолютистическимъ стремленіямъ Хлодвига, какъ духовенство, дававшее королю изъ своего состава лучшихъ совѣтниковъ и выказывавшее, послѣ перехода Хлодвига въ христіанство, какое-то благоговѣнное отношеніе къ нему. Въ глазахъ духовенства, какъ и всего галло-римскаго населенія Хлодвигъ былъ преемникомъ римскаго императора и усвоилъ себѣ само собой всѣ его прерогативы, но въ отношеніи къ франкамъ онъ оставался королемъ въ прежнемъ германскомъ смыслѣ слова т. е. былъ только вождемъ дружины и исполнителемъ общихъ рѣшеній, при чемъ его связи съ дружиной носили чисто личный характеръ. Разъ, въ Суассонѣ, при дѣлежѣ добычи, Хлодвигу хотѣлось пріобрѣсти себѣ похищенный церковный сосудъ, о возвращеніи котораго, по принадлежности, хлопоталъ предъ нимъ епископъ. Хлодвигъ заявилъ объ этомъ собранію франковъ и просилъ отдать ему этотъ сосудъ не въ счетъ причитающейся ему части. Большинство франковъ было на это согласно, но вышелъ одинъ воинъ и, ударивъ мечемъ по сосуду, сказалъ: „нѣтъ, ты получишь только то, что достанется тебѣ по жребію!“—и Хлодвигъ долженъ былъ примириться съ фактомъ. Очевидно, власть его надъ франками носила очень условный, ограниченный характеръ, и далеко была не похожа на власть римскаго императора. Мало того: Хлодвигъ не былъ единственнымъ королемъ салійскихъ франковъ, не говоря уже о франкахъ рипуарскихъ. И вотъ, опираясь теперь на свое новое понятіе о власти, онъ задумалъ соединить всѣ трибы франковъ въ одно цѣлое, которое подчинялось бы только ему одному, имѣло его, Хлодвига, своей главой. Эта мысль навѣяна была Хлодвигу исторіей Рима и его традиціями, но средства для ея осуществленія онъ долженъ былъ изобрѣсти самъ,—и онъ не потерялся; онъ постушилъ, какъ варваръ, и самымъ грубымъ и безчело-

вѣчнымъ образомъ перебилъ всѣхъ другихъ франкскихъ королей. Григорій Турскій подробно намъ рассказываетъ, какъ Хлодвигъ соединилъ подъ своею властью всѣ племена франковъ, и эти рассказы, дышущіе простотою и правдоподобіемъ лѣтописи, даютъ намъ прекрасное понятіе какъ о нравахъ того времени, такъ и о характерѣ новаго Константина. Я приведу нѣсколько отрывковъ изъ нихъ—съ цѣлью, между прочимъ, ознакомить читателей съ личностью Григорія Турскаго, какъ историка.

„Когда—пишетъ Григорій—король Хлодвигъ пребывалъ въ Парижѣ, онъ тайно послалъ вѣстника къ сыну Сигиберта (т. е. короля рипуарскихъ франковъ), говоря: вотъ отецъ твой старъ и хромаетъ на большую ногу. Если бы онъ умеръ, то его королевство справедливо перешло бы къ тебѣ вмѣстѣ съ нашей дружбой. Обольщенный жадностью, тотъ задумалъ убить отца... Въ полдень, когда (Король-Сигибертъ) отдыхалъ въ палатѣ, сынъ посылаетъ къ нему убійцу, чтобы послѣ его убійства получить королевство. И (затѣмъ) отправляетъ вѣстниковъ къ Хлодвигу, извѣщая его о гибели отца и говоря: отецъ мой умеръ и я владѣю сокровищемъ и царствомъ; пришли ко мнѣ твоихъ и я охотно передамъ имъ то изъ сокровищъ, что понравится тебѣ. Когда явились послы Хлодвига и онъ показывалъ имъ ящикъ съ сокровищами, то послы сказали: запусти твою руку до самаго дна, чтобы мы видѣли, сколько здѣсь сокровищъ. Когда онъ сдѣлалъ это и сильно наклонился, одинъ изъ пословъ, поднявъ руку, разсѣкъ ему черепъ двуострой сѣкирой.—Вотъ еще подобный же рассказъ Григорія.—„Былъ тогда король Рагнахаръ, а у Хлодвига были золотыя браслеты и пояса, собственно мѣдныя, но позолоченныя такъ, что походили на золото. Эти украшенія онъ роздалъ людямъ (Рагнахара) и приглашалъ ихъ возстать на него... (Рагнахаръ) былъ схваченъ и съ связанными на спинѣ руками, вмѣстѣ съ братомъ своимъ приведенъ къ Хлодвигу. Хлодвигъ сказалъ ему: зачѣмъ унижаетъ родъ нашъ, позволяя себя вязать? лучше тебѣ умереть, (чѣмъ допускать это)“—и поднявъ сѣкиру разрубилъ ему голову. Обращаясь же къ брату, его сказалъ: „если бы ты помогалъ брату, то конечно онъ не былъ бы связанъ—и также убилъ его ударомъ сѣкиры. Послѣ ихъ смерти предатели узнали, что они

получили отъ короля поддѣльное золото. Но когда они сказали о томъ Хлодвигу, онъ, говорятъ, отвѣчалъ: вы должны быть довольны тѣмъ, что остались въ живыхъ—и не заплатили мученіями за выдачу своихъ властителей... Убивши многихъ королей и близкихъ родственниковъ Хлодвигъ распространивъ свое королевство по всей Галліи. Однажды, собравши воиновъ, онъ говорилъ о родственникахъ: „горе мнѣ, я остался какъ странникъ между чужими; нѣтъ у меня родственниковъ, которые бы помогли мнѣ. Но это онъ говорилъ,—добавляетъ Григорій,—не плачась о смерти ихъ, а изъ хитрости, чтобы узнать, не уцѣлѣлъ ли кто изъ родныхъ живой и убить его“.

Таковы разказы Григорія Турскаго о происхожденіи единовластія Хлодвига. Изъ нихъ видно, что Григорій хорошо былъ освѣдомленъ о тайныхъ пружинахъ, вызвавшихъ гибель всѣхъ франкскихъ королей, кромѣ дома Хлодвига; спрашивается, какъ же смотрѣлъ епископъ Турскій на эти подвиги восхваляемаго имъ короля? Григорій, какъ и все галло-римское населеніе, ни мало не соблазнялось варварствомъ Хлодвига: оно одобряло всѣ его поступки. Вотъ общее сужденіе Григорія, произнесенное вслѣдъ за изложеніемъ указанныхъ событій. „Каждый день,—говоритъ Григорій,—Богъ низвергалъ къ стопамъ короля его враговъ и расширялъ королевство, ибо Клодовой ходилъ съ сердцемъ правымъ предъ Господомъ и поступалъ такъ, какъ пріятно было въ Его (Бога) очахъ“. Таково было понятіе о нравственности и покровительствѣ Божіемъ въ то варварское время!

Благодаря этой кровожадной хитрости, Хлодвигъ остался дѣйствительно, одинъ между всѣми франкскими королями, и весь родъ, изъ котораго они избирались погибъ, за исключеніемъ его прямого потомства. Хлодвигъ достигъ своей цѣли: онъ упрочилъ королевскую власть въ своемъ потомствѣ. Во всей послѣдующей исторіи мы не находимъ никого кто бы велъ свое происхожденіе отъ побочной линіи его дома. Въ 511 мѣ году Хлодвигъ умеръ въ Парижѣ и былъ погребенъ въ построенной имъ базиликѣ 12 апостоловъ, гдѣ впослѣдствіи сооружена была церковь св. Женевьевы, переименованная въ прошломъ столѣтіи въ пантеонъ т. е. храмъ великихъ людей. Во время первой французской ре-

волюціи изъ склеповъ этого храма были выкинуты трупы всѣхъ французскихъ королей, и въ томъ числѣ и трупъ Хлодвига, котораго французы несправедливо считали основателемъ своего королевства.

Хлодвигъ положилъ начало политическому и религіозному объединенію германскаго варварства и наслѣдія римскаго и на развалинахъ имперіи создалъ государство, поглотившее рядъ другихъ варварскихъ государствъ и превосходившее по своимъ силамъ тѣ изъ послѣднихъ, какія еще сохраняли независимость, какъ напр. вестготская Испанія или остготская Италія. Но тридцатилѣтняго его правленія, конечно, было недостаточно для того, что соединенныя въ его государствѣ разнородныя начала могли слиться между собой въ одно неразрывное цѣлое, чтобы основанное имъ политическое и религіозное единство успѣло проникнуть въ жизнь и смогло заправлять ею. Задачу способствовать утверженію этого единства должны были выполнить его преемники, которые, по видимому, тѣмъ легче могли осуществить ее, что имъ приходилось идти по пути уже указанному и дѣйствовать въ направленія уже намѣченныхъ. Имъ оставалось, такъ сказать, только хорошо разыграть роль разученную ранѣе, роль подражательную и второстепенную, но и эта роль оказалась не по плечу дальнѣйшимъ представителямъ меровингской династіи. Исторія меровингской династіи послѣ Хлодвига есть исторія паденія королевской власти и могущества франкскаго государства, продолжавшагося до тѣхъ поръ, пока франки не замѣнили безсильныхъ меровинговъ новою династіей. Причиною этого регресса служили шаткость политическихъ понятій того времени и личная неспособность потомковъ Хлодвига къ правительственной дѣятельности.

а., Для германца, даже для потомка Хлодвига, пока еще не существовало государства въ его настоящемъ значеніи; для нихъ оно было частнымъ, личнымъ имѣніемъ того или другаго лица, называемаго королемъ и, какъ таковое, оно должно было передаваться въ качествѣ простаго наслѣдства въ королевскомъ родѣ по существующимъ обычаямъ. Когда умеръ Хлодвигъ, для оставшихся послѣ него чегырехъ сыновей даже и не существовало вопроса о томъ, кому теперь достанется власть надъ землями, соединенными ихъ отцомъ;

такого вопроса, дѣйствительно, и не было поднято. Сыновья Хлодвига просто подѣлили королевство между собою на основаніи стараго обычнаго права, подѣлили полюбовно точно также, какъ подѣлили сокровища и одежду покойнаго. Галло-римское свободное населеніе, города и области Галліи явились какъ бы придачей, естественнымъ дополненіемъ къ королевскому имѣнію. Что же касается до франковъ, то о ихъ дѣлѣхъ не могло быть и рѣчи; по смерти Хлодвига они вновь получили возможность свободнаго выбора между королями, хотя большею частью предпочитали того, на земляхъ котораго находились ихъ собственныя помѣстья. Политическое единство, созданное Хлодвигомъ, разомъ такимъ образомъ рушилось и значеніе королевской власти, раздробившейся въ нѣсколькихъ рукахъ, понизилось. Этому пониженію способствовали и сами короли меровингскаго дома: преемники Хлодвига наслѣдовали отъ него лишь одни порочныя качества, не имѣя ни одного изъ его достоинствъ, и ихъ исторія стала почти непрерывнымъ рядомъ злодѣйствъ, междуусобій, мятежа и разврата. Одинъ историкъ замѣчаетъ объ этой эпохѣ, что природа какъ бы намѣренно задалась цѣлю показать въ лицѣ меровинговъ, до какой колоссальности можетъ дойти и иногда человѣческая порочность. И достаточно припомнить эпизоды изъ одной только борьбы извѣстныхъ Брунегильды и Фредегонды, чтобы при сужденіи объ этомъ замѣчаніи воздержаться отъ упрека въ преувеличеніи. Правда, выродившіеся меровинги продолжали еще долго называться королями, но влачили жалкое существованіе, становясь съ каждымъ поколѣніемъ ничтожнѣе; извѣстно, что послѣдніе изъ нихъ были прозваны лѣнливыми или тунеядными королями.

б., Другою причиною паденія меровингской династіи являлось быстрое развитіе могущественной германской аристократіи, постепенно захватывавшей въ свои руки королевскую власть. По переходѣ на римскія земли многіе изъ германской дружины, приближенные къ королю и называвшіеся *антрустіонами*, получили помимо земельных участковъ, доставшихся имъ по жребію наравнѣ со всѣми прочими франками, еще большіе земельные подарки отъ короля и влѣдствіе этого сдѣлались владѣтелями обширныхъ земель. Такъ какъ въ германскихъ понятіяхъ право-

власти соединялось съ обладаніемъ землею и обусловливалось имъ, т. е. кто больше имѣлъ земли, тотъ на большую власть и могъ разсчитывать, то одно уже образованіе крупной земельной аристократіи заключало въ себѣ элементъ опасный для существующей королевской династіи. Но при Хлодвигѣ, единственномъ королѣ франковъ, эта опасность не давала себя чувствовать, потому что франкъ, не желавшій подчиняться и служить Хлодвигу, долженъ былъ уходить за предѣлы образованнаго имъ государства т. е. покинуть имущество и возвратиться опять въ Германію. Когда же послѣ смерти Хлодвига въ франкскомъ государствѣ оказались четыре и вообще нѣсколько королей, то франкъ-аристократъ, не желавшій служить у одного короля, могъ переходить къ другому и т. д. и такимъ образомъ фактически оставался независимымъ ни отъ того, ни отъ другаго. Эту независимость ясно высказывалъ одинъ изъ нихъ, герцогъ Мундерихъ: „какія обязанности—говорилъ онъ—могутъ быть у меня относительно короля Теодориха? Я могу быть королемъ точно также, какъ и онъ. Я соберу народъ и получу отъ него клятву въ вѣрности. Пусть Теодорихъ знаетъ, что я такой же король, какъ и онъ“. Новая германская аристократія, еще не забывшая старыхъ германскихъ преданій, съ особеннымъ неудовольствіемъ смотрѣла на попытки меровинскихъ королей примѣнить и къ франкамъ ту полноту власти, какою они пользовались въ отношеніи къ староримскому населенію. Всякая подобная попытка казалась имъ нарушеніемъ ихъ привилегій и привычекъ, а эти привычки ежегодно обновлялись новымъ притокомъ германскихъ племенъ, приносившихъ съ собою варварскія понятія во всей свѣжести. Скоро къ недовольнымъ аристократамъ присоединилось и духовенство: духовенство въ меровинскомъ государствѣ представляло изъ себя такую же и еще пожалуй болѣе могущественную земельную аристократію, какъ и франкскіе вельможи, и ни въ чемъ не отличалось отъ послѣднихъ. Союзъ, заключенный западной церковью съ варварами, купленъ былъ дорогою цѣною пониженія умственнаго и нравственнаго уровня ея представителей. Въ меровинскій періодъ мы встрѣчаемъ епископовъ, едва умѣющихъ читать, видимъ лицъ, получившихъ кафедру происками и подкупомъ и отличающихся жестокостью, пьян-

ствомъ и распутствомъ. Одинъ напр. заключаетъ живымъ въ гробъ одного священника, другой падаетъ у алтаря во время обѣдни мертвецки пьянымъ, третій участвуетъ въ битвахъ и предается разгулу и насиліямъ. И они не думали маскироваться; они не боялись осужденія, потому что находили сочувствіе и оправданіе себѣ въ грубомъ обществѣ того времени. Одинъ епископъ откровенно выражался: „неужели я долженъ отказываться отъ мести только потому, что я священникъ“? — Богатство духовенства давно уже обращало на себя вниманіе королей. Это были тѣ же франкскіе вельможи, только носившіе духовное званіе. Еще Хлодвигъ, благодѣтельствовавшій особенно базиликъ св. Мартина, воскликнулъ при одномъ случаѣ: „хорошъ помощникъ св. Мартынъ, да дорого беретъ“. А одинъ изъ его преемниковъ, не отличавшійся при томъ особой пронизательностью, часто жаловался окружающимъ на духовенство въ такихъ словахъ: „наша казна бѣднѣетъ, достояніе наше отходитъ къ церкви, истинно царствуютъ въ городахъ священники“. Послѣдній изъ меровинговъ, еще сохранявшихъ самостоятельность, Дагобертъ рѣшился отобрать отъ духовенства значительную часть ихъ имѣній; онъ это исполнилъ, но за то вызвалъ ненависть къ себѣ духовенства и оттолкнулъ отъ меровингской династіи послѣднюю опору ея. Епископы и аббаты теперь соединились съ свѣтскими вельможами противъ королей, рядомъ съ королемъ они поставили майордомовъ, которые при помощи ихъ захватили въ свои руки всю дѣйствительную власть, а потомъ основали новую королевскую династію, смѣнившую лѣннихъ меровинговъ.

Кто такіе были майордомы? Исторія майордомовъ принадлежитъ къ числу самыхъ сложныхъ и спорныхъ научныхъ вопросовъ, относящихся къ эпохѣ меровинговъ. Главная трудность состоитъ въ опредѣленіи ихъ должности, потому что майордомы являются при самомъ началѣ меровингской династіи, хотя на первый планъ они выдвигаются только въ началѣ VII-го вѣка, а съ половины его получаютъ уже господствующее значеніе. По болѣе основательному мнѣнію, майордомъ первоначально завѣдывалъ всѣми чиновниками, лично служащими королю, и его экономическимъ хозяйствомъ, такъ что его должность соотвѣтствовало нынѣшней должности министра двора. Нерѣдко, во время отсутствія

короля, майордомъ предсѣдательствовалъ на королевскомъ судѣ, устанавливалъ налоги и вообще замѣнялъ короля, почему и назывался иногда Subregulus. Сначала на должность майордома назначали короли по своему произволу франковъ или римлянъ, но потомъ, въ періодъ распрей и малолѣтства меровинскихъ королей, аристократическій классъ присвоилъ себѣ право избирать изъ своей среды майордома, такъ что послѣдній сталъ представителемъ аристократіи, и притомъ аристократіи германской. Майордомъ такимъ образомъ воплощалъ собой реакцію германскаго начала противъ склонявшихся къ римскимъ традиціямъ королей. — Изъ всѣхъ палатныхъ меровъ, существовавшихъ при дворахъ преемниковъ Хлодвига, одна фамилія сдѣлала эту должность наследственной въ своемъ домѣ и приобрѣла верховную власть во всемъ франкскомъ государствѣ. Это была фамилія Пипина Ландскаго или Стараго, получившая названіе каролинговъ по имени знаменитѣйшаго изъ ея представителей Карла Великаго. Къ концу VII в. майордомы этой фамиліи сдѣлались настолько могущественными, что присвоили себѣ титулъ „dux et princeps Francorum“ т. е. вождя и князя франковъ. Роль короля сдѣлалась съ этихъ поръ совершенно ничтожной; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ управленіи, жилъ въ своемъ помѣстьи подъ надзоромъ майордома, получая отъ него содержаніе; и только разъ въ годъ, во время народныхъ собраній, его привозили на Марсово поле въ колесницѣ, запряженной бѣлыми быками, и онъ въ коронѣ и королевской одеждѣ предсѣдательствовалъ здѣсь, принималъ пословъ и подарки, не смѣя, однако, сказать ни одного слова, которое предварительно не было бы одобрено майордомомъ. Послѣдніе меровинги были довольны уже тѣмъ, что майордомы позволяли имъ носить длинные волосы, составлявшіе отличительный признакъ ихъ королевскаго достоинства, ибо по германскимъ понятіямъ позволить себѣ брить бороду или стричь волосы значило подпасть подъ опеку того лица, которое совершило эту операцію. Старинная хроника города Меца говоритъ про майордома Пипина Геристальскаго слѣдующее: „каждый годъ перваго марта, по древнему обычаю, онъ созывалъ франковъ на всеобщее собраніе, въ которомъ по своему уваженію къ королевскому имени предоставлялъ предсѣдательство тому,

кого онъ въ своей *кротости* ставилъ выше себя т. е. королю“. Общественное мнѣніе того времени давно уже привыкло видѣть въ майордомѣ дѣйствительнаго короля, но даже и въ оффиціальныхъ актахъ съ конца VII-го вѣка становится обычной формула: „regnante rege, gubernante majordomus“ т. е. въ царствованіе короля, когда управлялъ такой-то майордомъ и пр. Послѣдній шагъ майордомами карловинской династіи сдѣланъ былъ въ 751-мъ году. Въ этотъ годъ Пипинъ Короткій, бывшій дотолѣ майордомомъ франковъ, отправилъ къ папѣ торжественное посольство съ знаменитымъ вопросомъ: „кому долженъ принадлежать королевскій престолъ по праву: тому-ли, кто носитъ титулъ короля, но не имѣетъ ни власти, ни трудовъ управленія; или тому, кто, не нося имени короля, управляетъ всей страной?“ Отвѣтъ папы не могъ быть сомнителенъ, ибо папа, вступившій въ такія же отношенія къ майордомамъ, въ какихъ онъ нѣкогда стоялъ къ Хлодвигу, самъ былъ заинтересованъ въ торжествѣ майордомовъ,—и вотъ, на народномъ собраніи духовенствомъ и аристократіей Пипинъ провозглашенъ былъ королемъ франковъ. Послѣдній мервингъ заключенъ былъ въ монастырь, а папа помазалъ муромъ Пипина и короновалъ его.

Это событіе было цѣлой революціей, но революціей мирной, обошедшейся безъ крови и шума. Оно открываетъ собой цѣлую эпоху въ исторіи франкскаго государства, эпоху, центромъ которой является личность Карла Великаго, къ характеристикѣ которой я и обращаюсь.

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)
